

Лишь форма одна сохраняет творения духа.
Фредерик Мистраль

Александр Рожин

Дмитрий Иконников: среда обитания

Широта духовного восприятия, глубоко личное понимание природы художественного образа, профессиональный опыт и неоспоримое мастерство обеспечили Дмитрию Иконникову удивительную свободу самовыражения, сформировали уникальную систему живописно-пластического языка, отмеченного гармонией инвариантности содержательных и формальных аспектов творчества.

Фото: Валентин Селаров / Photo: Valentin Sklyarov

на путь эмпирического постижения пространства и времени. Это новое качество его живописи и графики убедительно заявлено в основных темах таких произведений, как «Жизнь на девятом этаже», «Средиземноморье» и «Город. Вход со двора».

Период «жизни на девятом этаже» предопределил новую систему координат в творчестве мастера, глубоко индивидуальное понимание семантической структуры живописной поверхности, мультимедийную самоценность цвета и фактуры, их первостепенное значение в формировании образно-содержательных доминант, составляющих виртуальную сущность художественного замысла. Именно тогда появились идеи, получившие воплощение в последующих изобразительных циклах.

Творчество мастера обрело свою неповторимую форму, пленяющую воображение зрителя философской созерцательностью, ритмической чувственностью палитры, гармонией частного и целого. Натюрморты, пейзажи и жанровые сцены, будучи самоценными образами, составляют развернутую в пространстве и времени галерею глубоко личных эмоциональных состояний самого художника. В этих работах проступают определенные исторические прототипы, сформировавшие среду обитания искусства XX века, звучат отголоски недавних впечатлений и трогательных, живых воспоминаний. В них появляется особая поэтическая интонация, окрашенная отстраненностью от обыденной суеты и тусклой мимолетности.

Дмитрий Иконников деликатно варьирует отдельные приметы, детали, фрагменты среды чувственного и физического бытования объектов изображения, будь то романтические уголки

Москвы, Петербурга или Парижа, а то и атрибуты быта, окружающие художника. Эти структурно-пластические живописные элементы нередко мигрируют из работы в работу, обретая новые эмоционально-смысловые значения, как это происходит, например, в «повторяющихся» натюрмортах Джорджо Моранди.

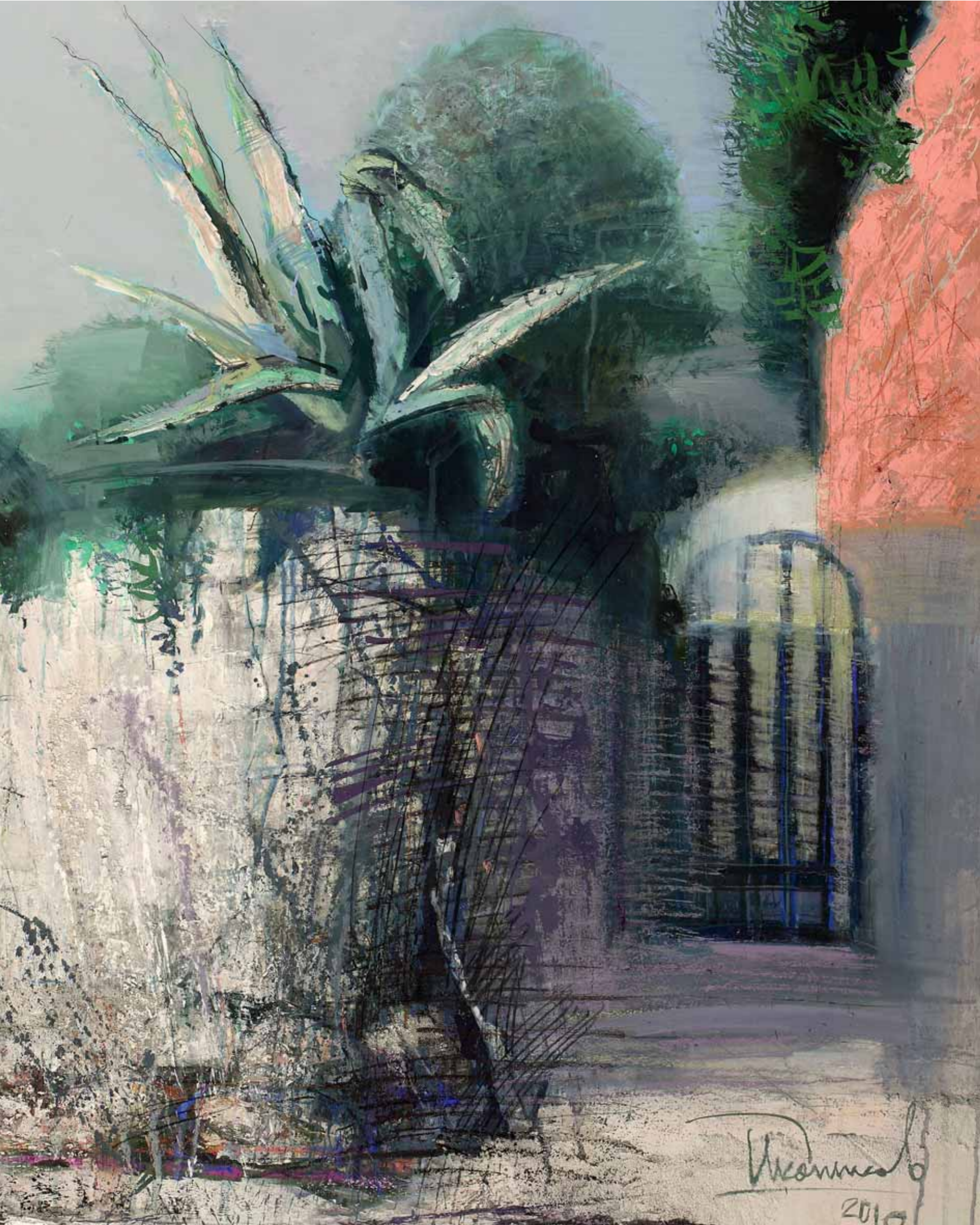
Исподволь в творчестве Иконникова возникают и персонажи, навеянные живописью и графикой Пабло Пикассо неоклассического периода, а также эмоциональные созвучия с парижскими видами Альбера Марке и Рауля Дюфи: подобная необъяснимая виртуальная связь возникает подсознательно. При всем этом нельзя забывать о самодовлеющей роли эстетических предпочтений автора. Подобные переключки, эмоциональные перекрестки мы наблюдаем в его пейзажах Москвы и Парижа, Петербурга и Венеции. Почему и как это происходит, ответить может только сам художник, для которого, очевидно, есть нечто общее в ауре этих городов, в чарующей привлекательности далекого и близкого. При всей узнаваемости отдельных мотивов, как бы скользящих по поверхности отражений творений французов, произведения Дмитрия Иконникова — не что иное, как самоперсонификация. Это угадывается, пожалуй, в каждой работе мастера, независимо от жанра или сюжета. Ведущая роль в процессе подобного эстетического самовыражения отводится цветовой палитуре, которая строится на отношении полутонов, растворяющихся в мареве воздуха и света, на силуэтах, на полупрозрачности пространственных планов. Присутствие сфумато определяет особую эмоциональную атмосферу, точнее — созерцательную среду

Поэтика произведений автора обусловлена интуитивным, глубоко пронизательным видением сущего, в котором отражается прошлое и незримо возникает предчувствие будущего. Он блестящий импровизатор, умеющий подчинить внутреннему восприятию бытия узнаваемые, реальные детали и приметы изобразительных мотивов, сцен, сюжетов. Метафорические образы, воплощенные в совершенной художественной форме, интригуют воображение искушенных и взыскательных ценителей и знатоков.

Практически предав забвению занятию искусством плаката и книжной иллюстрации, преодолев тяготение к соревновательности на уровне известных и еще не утративших своей былой привлекательности художественных течений 80—90-х годов прошлого столетия, Дмитрий Иконников вступил

Нежданное приглашение...
Калитка. 2010
Бумага, авторская техника
80 × 107

Unexpected Invitation...
Wicket. 2010
Paper, artist's technique
80 × 107 cm

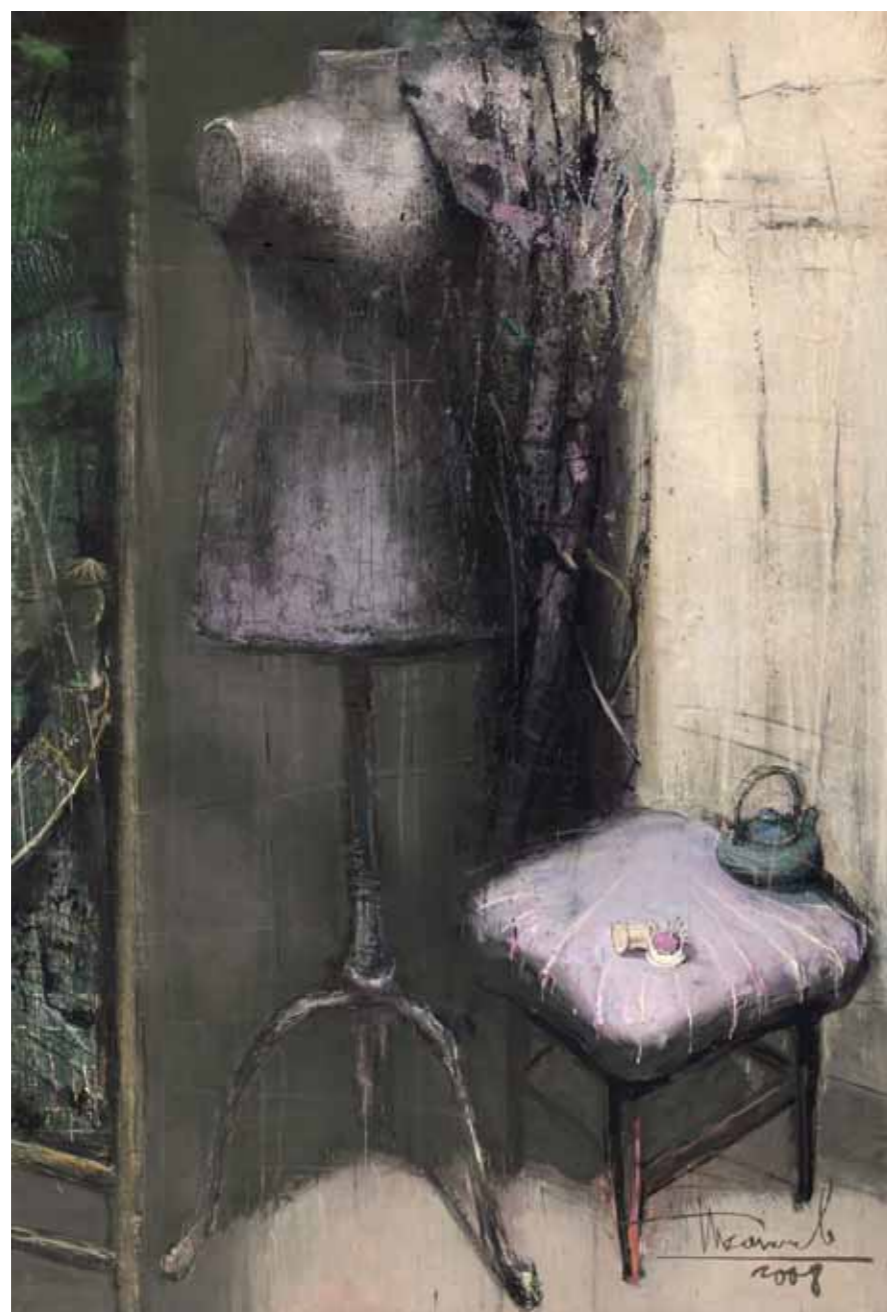
Alexander Rozhin

Dmitry Ikonnikov: Artistic Milieu

Dmitry Ikonnikov, through the breadth of his perception and his deeply personal feeling and understanding of the nature of art, as well as his professional experience and unarguable talent, has achieved a remarkable freedom of expression. He has created a unique figurative language, which is marked by the harmonic invariance of the form and content of his work.

Китайский чайник и манекен. 2008
Бумага, авторская техника
120 × 80

Chinese Teapot and Mannequin. 2008
Paper, artist's technique
120 × 80 cm

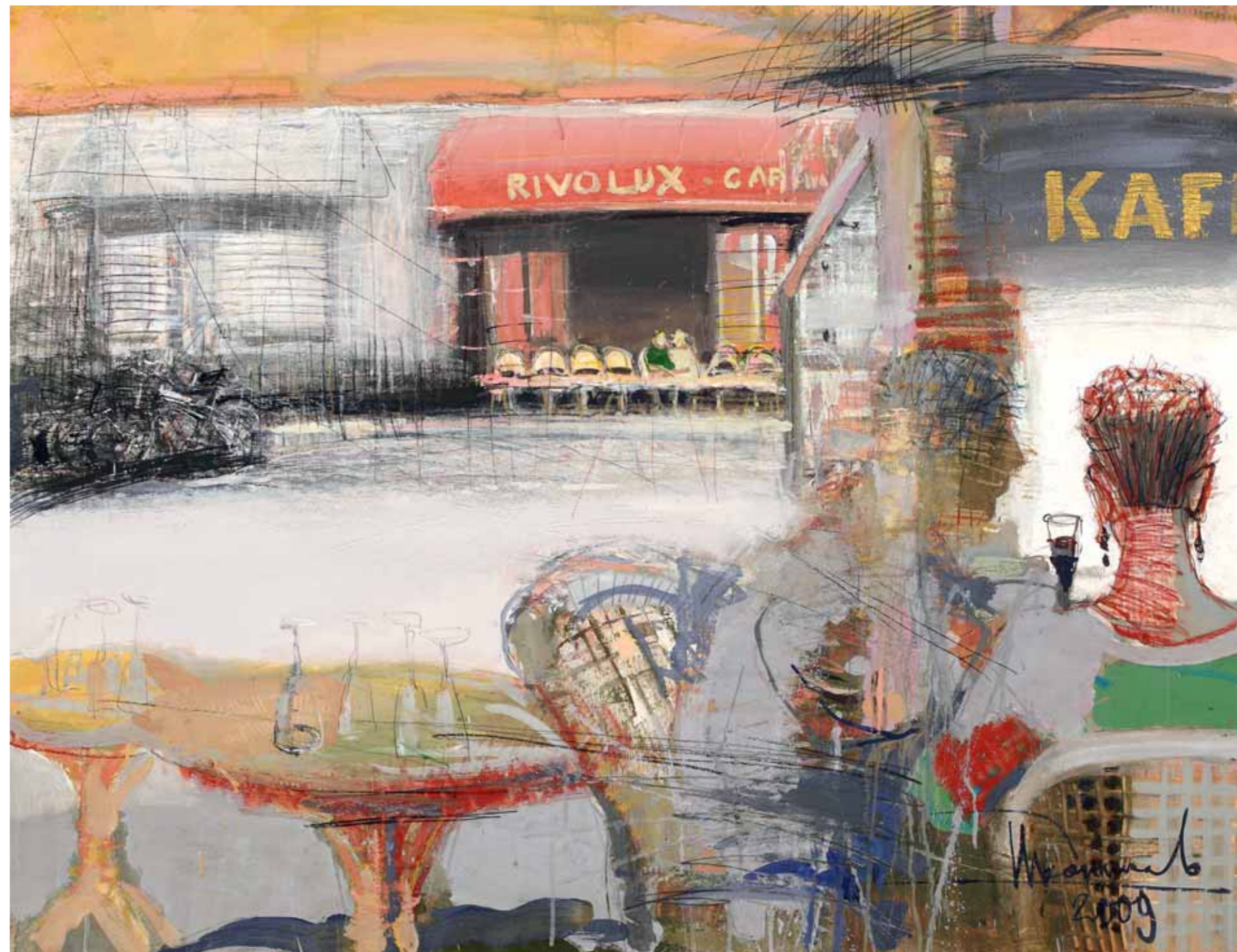
Form alone preserves the creation of the spirit.
Frederic Mistral

The poetics of the artist's works are driven by an intuitive, deeply penetrative vision of things, in which the past is reflected deeply, and an invisible premonition of the future is hinted at. He is an extraordinary improviser, able to harness recognisable and real details and attributes of motifs, scenes and subjects, with his own internal interpretation of life. In essence, these are the compound expressions of philosophy, poetry and metaphor meticulously tested in practice; the pure "creation of the spirit" in a perfect artistic form that intrigues even the most mature and demanding connoisseurs by teasing their memory and conscience with unpredictable images.

Having essentially abandoned his earlier work on posters and book illustrations, resisting the temptation to compete with the famous and still popular artistic currents of the 1980s and 1990s, Dmitry Ikonnikov took instead the route of *a priori* comprehension of space and time. This new quality of his art and drawings is clearly visible in the main themes he has worked on – "Life on the Ninth Floor", "Mediterranean", and "City. Entrance from the Backyard".

The "life on the ninth floor" period foresaw a new framework in the artist's work, a deeply individual understanding of the semantic structure of artistic surfaces, the multimedia worth of colour and shading, and their major importance in the forming of a graphic-content base containing the essence of the artistic concept. It was exactly then that the ideas that were implemented in the later cycles and other "thematic" exercises first appeared.

The artist's work has acquired its unique form, captivating the imagination of the viewer with its philosophical meditations, the rhythmical sensitivity of its palette and the harmony of part and whole. The still-lives, views and genre scenes as

Воскресенье на Риволи. 2009
Бумага, авторская техника
100 × 133

Sunday on Rue de Rivoli. 2009
Paper, artist's technique
100 × 133 cm

valued forms, are the deeply personal reflections of the emotional state of the artist himself, filtered into the space and time of a gallery, imbued with feelings, thoughts and associations that are at once both related and unrelated to each other. In these works, specific historical prototypes are visible, which formed the artistic environment of the 20th century; the echoes of recent impressions and touching real-life memories can be heard. An especially poetic intonation can be divined, that is nevertheless separated from everyday worries and banal transiency.

Dmitry Ikonnikov delicately varies the description, details and fragments of emotional and physical existence of the objects he paints, whether it is the romantic corners of Moscow, St. Petersburg or Paris, or the everyday items that surround

the artist. These structural and artistic elements often migrate from one work to another, attaining new emotional and conceptual meanings, very similar to the still-life works of Giorgio Morandi.

Gradually, Ikonnikov's work begins to feature characters that recall the artwork of Pablo Picasso's neoclassical period, and also an emotional accord with the Parisian views of Albert Marquet and Raoul Dufy. But these are not copies or imitations, but rather the manifestation of an inexplicable virtual link that arises subconsciously. And despite all of this, one cannot forget the all-important role played by the taste and aesthetic preferences of different artists. We find similar nods and emotional crossroads in his views of Moscow and Paris, St. Petersburg and Venice. Why and how this happens,

only the artist could say – for him, evidently, the auras of these cities share certain features, their glamorous attractiveness from far and near. However much certain motifs seem familiar, and the reflections of French works seem to appear on the surface, Ikonnikov's work is nothing less than an exercise in self-personification. This can be seen in perhaps every single work of the artist, irrespective of the genre or subject.

In this context, the main role in this aesthetic self-expression is given to the orchestral notes of colour: interactions of half-tones dissolving in the haze of air and light, silhouettes and translucency of dimension. The use of *sfumato* creates a special emotional atmosphere, or rather a meditative ambience with an inimitable tinge of inner musicality.

A symbiosis between different expressive components of the artist's dramaturgy lends his works a magical allure, which in every single case brings forth an unexpected sensual and conceptual intrigue. However, this is devoid of the playfulness or metaphors that were so characteristic of Soviet art of the 1970s and 1980s, and which Ikonnikov used himself in his earlier works.

Nevertheless, the monumental works show a radical line between the past and the future in the artist's work. The older works carry specific literary reminiscences and traits of external passion, whereas in the more recent ones these elements are rendered unnecessary, along with deliberate plots of scenic philosophical allegories. The artist takes a step from known pragmatism towards irrational creative and sensual understanding of the spiritual habitat, forever imprinted in our genetic memory. Thus, his works transform into elegiac installations charged with inner light and romantic spirituality. The artist's self now appears as a demiurge; a carrier of pure art who stirs up our fantasies with skilful brush, enchanting colours and cosmologic harmony.

Perhaps some of these transformations are overstated, and other people may find such analysis excessive or unjustified, but our motive here is not idealisation of

the mentality of the artist, but an attempt to assess this creative phenomenon as a specific form of spiritual insight and existence of self in time and space.

Reality may seem much simpler, but a true work of art nonetheless lives a life of its own, often attaining multiple meanings against the will of the creator; there are values originating from our associations and fantasies. Therein lays the deep magic of creativity and the inexplicable attractive force of art, forever thrilling and enchanting.

The seeming naivety of this reasoning once again ascertains the right for these statements to exist regardless of the object under discussion.

The fact that this analysis is relevant not only for the works of Dmitry Ikonnikov, but also for the creations of various other major artists of our time, suggests its perception and interpretation are free from direct visual description of the facts and aspects of culture. Thus, coming back to the paintings and graphics of Ikonnikov, we take the liberty to depart from a classical analysis of his creative evolution, and instead to express here an intuitive, informal perception of the visual context and semantic significance of his art. The novelty of feelings is triggered by the form — in a very broad sense of the meaning — in which they are defined and embodied. The form,

as a predicate of emotional and conceptual range in the art of Dmitry Ikonnikov, is one of the main sources and stimulants for a broad analysis of his holistic view of the world, the view that reflects an integral whole of sensual experience, practical knowledge and creative thought.

His numerous city motifs have common stylistic characteristics, they re-echo in colours and are joined together by *sfumato*, a subtle haze that furnishes his paintings with a note of dreams and nostalgia. The artist's preferences are not clearly seen here, as unique features of Paris, Moscow and St. Petersburg miraculously travel from one geographical point to another.

Ikonnikov creates a wonderful and subtle polyphony of moods inspired by long-awaited meetings with enchanting views of the bridges and curves of the Seine, white nights on the Neva and the familiar silhouettes along the banks of the Moskva River. Such mysterious teleportation of landmarks and transformation of emotional tokens are probably inevitable today. They are inspired by the actual and alleged knowledge about the cities of the artist's youth and dreams, mostly acquired from works of the wonderful French (if we talk about Paris) writers Victor Hugo, Emile Zola and André Malraux; the poets Guillaume Apollinaire, Paul Valery, and

Печворк: ретро. 2009
Бумага, коллаж,
авторская техника
80 × 100

Patchwork: Retro. 2009
Paper, collage, artist's
technique
80 × 100 cm

Натюрморт с ножницами и напертком. 2008
Бумага, гуашь
60 × 80

Still-life with Scissors and a Thimble. 2008
Gouache on paper
60 × 80 cm

произведения, имеющего неповторимую мелодичную музыкальную окраску.

Симбиоз различных выразительных компонентов образной драматургии творчества мастера придает его работам магическую привлекательность, которая в каждом отдельном случае оборачивается неожиданной чувственной смысловой интригой, но без игровых элементов и метафор, которые были характерны для нашего искусства в 70–80-е годы прошлого века и оставались не чужды Иконникову той поры.

В работах монументального плана радикально обозначилась граница между прошлым и будущим в искусстве художника. Встречавшиеся ранее литературные реминисценции и черты внешней патетики исчезли за ненадобностью вместе с преднамеренными фабулами сценического философского иносказания. Художник отходит от известного прагматизма в сторону иррационального, творческого, чувственного осмысления среды духовного обитания, того, что навсегда остается в генетической памяти. Поэтому его работы превращаются в элегические инсталляции, исполненные внутреннего свечения и романтической одухотворенности. Они будоражат воображение колористической виртуозностью кисти и космологической гармонией. Личность автора предстает в

ореоле демиурга, носителя идеалов чистого искусства. Возможно, подобные превращения кому-то покажутся чрезмерными, однако они возникают не из стремления к идеализации, а из попытки уяснить данный феномен как специфическую форму духовного прозрения и бытия личности во времени и пространстве.

Быть может, в действительности все значительно проще, однако подлинное произведение искусства, несмотря ни на что, живет своей обособленной, самостоятельной жизнью, нередко обретая, вопреки воле создателя, множество смыслов, рожденных нашими ассоциациями и фантазиями. В этом заключается непостижимая магия творчества и необъяснимая сила притяжения искусства, бесконечно волнующая, завораживающая зрителя. Разумеется, все это относится не только к работам Дмитрия Иконникова, но и к произведениям целой плеяды оригинальных мастеров нашего времени, ибо предполагает восприятие и интерпретацию фактов и явлений культуры, освобожденные от их прямого визуального описания. Поэтому, возвращаясь к живописи и графике художника, позволим себе вольность и вместо канонического анализа эволюции творческих экзерсисов автора проведем экспликацию нашего интуитивного, неформального предста-

вления об образном содержании и семантической значимости его работ. Новизна ощущений вызвана формой, в которой они воплощены и обозначены. Форма как предикат эмоционально-содержательного диапазона искусства Дмитрия Иконникова является одним из основных источников, стимулов развернутого толкования целостной системы художественного мировоззрения мастера.

Написанные им многочисленные городские мотивы обладают общими стилистическими признаками, они перекликаются по колористической шкале, их объединяет *sfumato*, своего рода дымка, придающая картинам мечтательную интонацию ностальгического звучания. Говорить в данном случае о предпочтениях мастера достаточно сложно, поскольку и Париж, и Москва, и Петербург имеют свои неповторимые черты. В раскрытии темы города Иконников достигает эффекта передачи тончайших оттенков полифонии настроений, вызванных встречами с чарующим обликом набережных и мостов Сены, невских белых ночей или до боли знакомых силуэтов вдоль извилистых берегов Москва-реки. Происходит загадочная телепортация знаковых впечатлений из одного места действия в другое. Наверное, такие перемещения эмоциональных

Мост менял. 2009
Холст, акрил. 80 × 100

Pont au Change
("Exchange
Bridge"). 2009
Acrylic on canvas
80 × 100 cm

Jacques Prevert; from books and art albums of Camille Pissarro, Albert Marquet, Henri de Toulouse-Lautrec, Raoul Dufy and Russian painters like Konstantin Korovin, Mikhail Larionov and Natalya Goncharova.

The tempting, unforgettable and inimitable images of Paris, its boulevards and squares, street cafés and river banks, the life of the bohemians and the lives of the *clochards*... generations of people owe this memory to the talent and love of French writers, poets and artists. Similarly, the St. Petersburg of our dreams, the Northern Palmyra, is also happily alive in our conscience thanks to the poetry of Alexander Pushkin and Alexander Blok, Boris Pasternak and Joseph Brodsky, and the dramas of Fyodor Dostoyevsky and other famous Russian cultural luminaries.

The mind's eye of potential visitors to these magnificent European cities transposes images from one city to another and vice versa, which is a way to compare and analyse their architectural patterns. It is also often the basis of our attitudes towards Rome, Venice and Moscow: the testing of our emotions, associations, anticipation and unexpected impressions. However, these preliminary insights, this cultural and documentary data cannot be compared to a personal embrace of these cities; cities that evoke enthusiastic compliments, high emotions and a deep affec-

tion. For each of us, regardless of what our memory offers us from what we have read or heard, Paris and Moscow, Rome and St. Petersburg unveil the mystery of their special charm and beauty, and each of us has a Paris, Moscow and St. Petersburg of our own. We can see this in Dmitry Ikonnikov's city scenes, inspired by a personal empathy of the experienced, a striving to find in a conglomerate of impressions something truly important and very special, to discover a soul of the city that reflects his own emotional and visual expectations.

In Ikonnikov's works, cities of diverse historical destinies, very different but still resembling one another, convey common themes generated through the artist's infinite appeal to these historical centres of European culture. That is why artistic sketches of Moscow, St. Petersburg and Paris in Ikonnikov's beautiful paintings and graphics all render a common romantic feeling of their magic aura.

Quite different to these are the "Mediterranean" works of the artist, created under the Adriatic sun during his artistic visit to Croatia. His tasks here are quite different, too. Genre sketches and different views of the coast bring us into an atmosphere of warmth and delight, nonchalance and timeless leisure. The characters of this artistic cycle represent a very different life, a life unchanged for many

centuries, a life of myths and legends of Ancient Hellas. They bring to mind rhymes from Homer's epic poems "The Iliad" and "The Odyssey", and call up images of antique gods and the people who imagined them.

These characters live by the same laws and tread on the same ground as their long-gone ancestors, and time itself freezes, while we forget about the trite problems of the modern era. Ikonnikov embraces the epoch and draws it through the childhood impressions he formed through the books of ancient authors, and in museum halls filled with Greek statues, their rooms decorated with mosaic and vases. He makes us witness and participate in one of the most thrilling stages in the history of civilization and world culture. In today's life in Montenegro, in the character and behaviour of its citizens, in the nature of this Balkan country itself, the artist feels a special magnetic force in its absolute purity, not affected by people and centuries. Ikonnikov grasped this bond between a distant past and the future, and subtly conveys it to his viewers.

The artist revels in the trickle of a line that slightly touches the surface of paper, slowly and persistently evading unnecessary details, as if he has an eternity to spare. The "Mediterranean cycle" paintings are rational, concise and reserved; carefully calibrated to convey deliberation

Kiosque Flottant. 2009
Холст, левкас,
акрил. 80 × 120

Kiosque Flottant. 2009
Acrylic on canvas,
levkas. 80 × 120 cm

примет неизбежны. Они обусловлены уровнем и объемом знаний о городах юности и мечты художника, почерпнутых прежде всего из книг великих французских (если говорить о Париже) писателей Виктора Гюго, Эмиля Золя, Андре Мальро, поэтов Гийома Аполлинера, Поля Валери, Жака Превра, из репродукций и альбомов Камиля Писсарро, Альбера Марке, Анри Тулуз-Лотрека, Рауля Дюфи, Константина Коровина, Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой.

Талантом и любовью романистов и лириков, художников Франции навсегда запечатлелся в памяти поколений манящий, незабываемый и несравненный образ Парижа, его бульваров и площадей, уличных кафе и набережных, жизнью богемы и клошаров. Столь же гениально неповторимо вошел в наше сознание Петербург, Северная Пальмира благодаря стихотворным строкам Александра Пушкина и Александра Блока, Бориса Пастернака и Иосифа Бродского, драматической прозе Федора Достоевского и других выдающихся мастеров русской культуры. Мысленная проекция впечатлений от одной столицы на другую и наоборот позволяет проводить аналогии и сравнения архитектурных увражий, рисующихся в воображении потенциальных путешественников по этим великолепным

городам Европы. Точно так же можно говорить и об отношении к Риму, Венеции, Москве, проверяя собственные чувства, ассоциации, предвкушения встреч и неожиданных впечатлений. Однако никакие предварительные сведения, никакая художественная или документальная информация не сравнятся с живым соприкосновением странника с этими обласканными вниманием и комплиментами, восторгами и умилением городами. Для каждого из нас, независимо от накопленных памятью описаний, и Париж, и Москва, и Рим, и Петербург открывают тайны своего очарования и красоты по-новому, поэтому у каждого останется и свой собственный Париж, и своя Москва, и свой Петербург, что подтверждают одухотворенные личным сопереживанием увиденного городские пейзажи Дмитрия Иконникова. Он стремится найти и показать в конгломерате впечатлений нечто главное, особенное, составляющее душу города, отвечающее его личным ожиданиям и образным представлениям. Чувство безграничного влечения к этим историческим центрам европейской культуры рондит в произведениях художника города разной судьбы, непохожие и вместе с тем напоминающие друг о друге. Вот почему они представляются нам в живописных полотнах и графических листах этого автора

столь близкими по романтическому ощущению их магической ауры.

Иного рода произведения на тему «Средиземноморье», которые создавались Иконниковым непосредственно под лучами адриатического солнца во время поездок в Хорватию. Здесь художник ставит перед собой другие задачи. Жанровые зарисовки, различные виды побережья передают ощущение зноя и неги, беззаботности и медленно текущего времени. Запечатленные в работах этого цикла персонажи появились здесь словно из другой жизни, в которой столетиями ничего не менялось. В них нашли отражение мифы и легенды Древней Эллады. Герои этих работ вызывают в памяти строфы из «Элиады» и «Одиссеи» Гомера, напоминают об античных богах и людях, которые их создали своим воображением. Они живут по тем же законам и ходят по тем же камням, что и их давние предки; время словно остановилось, заставляя нас отрешиться от сиюминутных проблем нового летоисчисления. Иконников шагнул в эту эпоху, плененный детскими впечатлениями, почерпнутыми из книг античных авторов, из музейных залов, уставленных греческими статуями, украшенными мозаиками и вазами. Он помог нам ощутить себя свидетелями и участниками одного из самых захватывающих воображение этапов истории мировой

Париж, полночь.
Клиши. 2010
Бумага, авторская
техника. 100 × 120

Paris, Midnight.
Clichy. 2010
Paper, artist's technique
100 × 120 cm

and relaxation. The painter seems to be familiar with these mountain tops for ages, and he's so used to the eternal sounds of waves that he can't be disturbed by or awakened from this wonderful day-dream.

This cloudless world appears to be devoid of conflict, but even here, behind the external idyll of a relaxed soul, one can feel a premonition, a moment of unknown expectation, which, in our opinion, strikes an invisible emotional tuning fork for most of Ikonnikov's "Mediterranean" creations. Even references to antique history do not evoke the effect for which any enlightened person should be ready, leaving the viewer quite indifferent to the grandeur of ancient civilizations instead of truly admiring it.

Enjoying the natural scenes, skillfully filling the canvas with a southerly breeze, the shadow-and-light effects and the transparent depth of the waves, the artist observes this languorous splendour from one side. For him, it's more than the usual polishing up of skills: it's an attempt to compare the seemingly slow, monotonous, endless life with the speed in which existence can change — all within an enclosed space of a holiday resort.

Serene and idle in their scenic solutions, these artistic works have a shade of unpredictability about them, an invisible connection with cosmologic reflections about eternity and existence. But this connection is a product of the subconscious, as if the dream is about to end in a restless awakening. That is why the Mediterranean tune transforms to give birth to still-life

paintings. These works are neither an addition to the theme, nor its development, they have a totally different function: to reshape the serenity of landscapes and genre motifs. Thickened tint and deepened hue bring along a new perception of time; the colour acquires internal tension, and the objects gain an invisible motion.

Ikonnikov's still-life images show a new form of visual understanding of existence, a form beyond temporary factors and circumstances. It's a unique way of self-expression, described by the famous art theoretician Boris R. Vipper: "The time has come when everything in the art of painting — genre, indoor scenes and landscapes — has acquired still-life perceptions. Still-life has become the special artist's view of the world."

The artist is charmed by this "quiet life" (not by "dead nature", if we literally translate *nature morte* from the French), a life with its peripetia, joys and passions. He's free to change and move the figures of this visual speech: the objects and attributes that reflect the owner's feelings and personality, just like a mind game carried over to a chess board. The still-life offers an endless field for imagination, an open space for visual and figurative combinations and modifications, and creative models of the universe, opening up boundless possibilities to convey all shades of sense and feeling.

In his still-life experiences, Dmitry Ikonnikov skillfully and devotedly uses his rich arsenal of methods and techniques. The master's elaborate works in this genre show that he possesses everything that

nature can give. With his expert hands, at the right time, he miraculously creates a harmony of proportion, in which, speaking in the words of Leonardo da Vinci, we see the reality itself.

There are endless variations with large vessels, and smoking pipes, several utensils and items of everyday life, rhythmically placed and lighted, painted in daylight and at night, reflecting changes of emotions, movements of the soul, vectors of the mood and thoughts of the artist. He uses numerous technical tools of drawing and painting, as well as different approaches to figurative expression, to achieve the maximum effect and render the philosophical depth through a complex system of observing the object-and-space environment around him. Ikonnikov develops his own methodology, creates new materials that allow him to carefully and originally depict his own feelings and perceptions about time and the self. He uses various materials, such as gouache and acrylics, sepia and oil pastels, he works with paper and canvas, and uses mixed techniques.

An expert in painting and graphics, he doesn't pause in long reflection on how to draw a sketch or build up a composition. Thanks to his flawless knowledge of the rules of his craft and his excellence in what he does, viewers seldom have questions about how this or that work was created. The artist has no visible difficulties in implementing his creative ideas, which he does in a clear and stress-free manner and which emphasizes yet again the high level of his professional culture. He builds his artistic surface on subtle gradations of tone and colour, softening the texture with *sfumato*, behind which the main colours of his palette are seen, layer after layer, vibrant with internal tune.

All of Dmitry Ikonnikov's works have an emotional dominant as the basis of the artist's concept that defines the structure of the form, the character of the content and the shape of the "dramaturgy". His creations whip up the imagination of the viewer through the depth of associative thinking, the polyphony of feelings, the irrealism of concrete and recognisable motifs, the spirit and the ingenuity. In his artistic life, Ikonnikov largely follows the philosophical formula of André Malraux: "We exist to live, whereas art exists to come to life". We can justly regard the new works of the artist as an important phenomenon in art today. They open up untravelled paths and lead us to believe in the unending nature of the idea that this world can be made richer through figurative perception and representation.

The creative work of Dmitry Ikonnikov, a romantic, idea-fuelled and sensuous artist, impersonates the microcosm of his aesthetic soul. Neither the conventional aspects of real time, nor the boundaries of a secluded environment can restrict him; he is a true representation of the freely-expressed feelings and thoughts of a real artist.

культуры. Иконников глубоко почувствовал и по-своему тонко передал сложное пограничное состояние между далеким прошлым и настоящим. Художник любит струящейся по поверхности бумажного листа линией, обходя ненужные подробности и детали так неторопливо и основательно, будто впереди у него еще целая вечность. Работы средиземноморского цикла рационально сдержанны, лаконичны; в них все выверено до мелочей, без суеты и напряжения; кажется, художнику давно знакомы эти горные вершины и склоны, он настолько привык к неугасающим звукам движения волн, что его уже трудно чем-либо удивить и пробудить от этого таинственного сна наяву.

Мир безоблачный и, казалось бы, бесконфликтный, но и тут за внешней идиллией расслабленной души скрывается некое предчувствие, момент неведомого ожидания, то, что, на наш взгляд, является незримым эмоциональным камертоном в большинстве работ цикла «Средиземноморье». Даже напоминания об античной истории не оказывают в этой среде того действия, к которому просвещенный человек должен быть готов, они скорее оставляют его равнодушным, нежели заставляют преклоняться перед величием следов древних цивилизаций. Виртуозно переноса на холст и бумагу дыхание южного воздуха, эффекты света и тени, прозрачной глубины морских далей, художник наблюдает все это расслабляющее великолепие со стороны. Для него это не просто привычные упражнения в оттачивании мастерства, а попытка сопоставления внешне вялотекущей, монотонной, бесконечно длящейся жизни и скоротечности перемен состояний. В безмятежных по сценичному решению полотнах и листах есть что-то непредсказуемое, связанное незримыми нитями с космологическими размышлениями о вечном и сущем. Но это проявляется в форме предчувствий, в подсознании, как во сне, за которым следует тревожное пробуждение. Вот почему в средиземноморской сюите мастера появляются натюрморты, выполняющие совершенно другую, трансформирующую безмятежность пейзажных и жанровых мотивов, функцию. Сгущаются краски, колорит становится более насыщенным, возникает иное ощущение времени, цвет вносит внутреннее напряжение, предметный ряд словно одушевляется, наполняясь незримым движением.

Натюрморты Дмитрия Иконникова — это особая форма образного осмысления бытия, независимая от приводящих факторов и стечения обстоятельств, способ самовыражения, о котором известный теоретик искусства Б.Р.Виппер писал: «Теперь настало время, когда все в живописи: и жанр, и интерьер, и пейзаж, — стали понимать натюрмотно. Натюрморт

превратился в особое художественное миропонимание». Не «мертвая натура», в переводе с французского, а «тихая жизнь», в переводе с английского, со всеми ее перипетиями, радостями и страстями занимает воображение художника. Здесь он волен по собственному усмотрению менять и переставлять фигуры образной речи, а именно предметы и атрибуты, несущие в себе отражение чувств и личности владельца, подобно тому, как это совершается на шахматной доске в процессе игры. Натюрморт — бесконечное поле для воображения, открытое пространство для разных образно-пластических комбинаций, версий и художественных моделей мироздания, открывающих безграничные возможности передачи всех оттенков чувств и смысла. Искусными руками, чудотворным образом, в нужное время мастер создает гармонию пропорции, в которой, говоря словами Леонардо да Винчи, мы видим саму реальность.

Художник использует многообразные технические средства, приемы образной выразительности для достижения философской глубины через сложную систему созерцания предметно-пространственной среды своего окружения. Иконников разрабатывает собственную методику, создает новые материалы, позволяющие ему наиболее точно и оригинально воплощать в произведениях личные переживания и представления о времени и о себе. Он использует разные художественные материалы: гуашь и акрил, сепию и пастель, пишет на бумаге и холсте, применяет смешанную технику. Благодаря безукоризненному знанию законов ремесла и отточенному мастерству, у

зрителя практически никогда не возникает вопросов по поводу того, как написана, нарисована любая работа автора. Способ воплощения творческого замысла не напрягает и не ставит в тупик художника, у него это всегда получается без видимых затруднений, что подтверждает высокий уровень его профессиональной культуры. Он создает живописную поверхность на тончайших градациях тональных отношений и цветовых сочетаний, фактура его работ приглушена сфумато, под которым прослеживаются слои за слоем изнутри наполняющиеся звучанием основных красок палитры мастера.

Во всех произведениях Дмитрия Иконникова присутствует эмоциональная доминанта, являющаяся первоосновой авторского замысла, определяющая структуру формы, характер содержания и образной драматургии. В своем творчестве художник во многом следует философской формуле Андре Мальро: «Мы существуем для того, чтобы жить, искусство — чтобы оживать». Мы вправе рассматривать и оценивать его работы как значительное явление сегодняшней жизни искусства, открывающее до конца неизведанные, новые возможности, которые подтверждают неисчерпаемость идей, заложенных в фигуративном восприятии и отображении мира, нас окружающего.

Творчество одержимого человека, романтика и эстета Дмитрия Иконникова олицетворяет микрокосм его чувственной души. Он не стеснен условными параметрами реального времени, границами замкнутого произведения — это свободное выражение мыслей и чувств художника.

Лежащая
на берегу. 2010
Бумага, авторская
техника. 80 × 120

Reclining Nude
on the Beach. 2010
Paper, artist's technique
80 × 120 cm

